

УДК 811.134.2

НОСКОВА Анна Ильинична,
аспирант кафедры романской филологии Казанского
(Приволжского) федерального университета,
Казань, Россия

Anna Ilinichna Noskova
Graduate Student at the Chair of Romance Philology/
Letters, Kazan (Volga Region) Federal University.,
Kazan city, Russia

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ НОРМЫ
ВЕНЕСУЭЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА**

**SOCIAL CULTURAL STANDARD FEATURES
OF THE VENEZUELAN NATIONWIDE
DIALECT OF THE SPANISH**

В статье рассматривается национальная специфика социокультурных речевых норм венесуэльского национального варианта испанского языка. Представлены актуальные особенности венесуэльской речи, снабженные примерами и комментариями. Также проанализированы проблема единства испанского языка и действия Венесуэлы в области языковой политики.

This paper considered the nationwide specifics of social cultural standard features of speech for the Venezuelan dialect of the Spanish. The study presented current features of the Venezuelan speech, accompanied with examples and comments, and observed the problem of integrity of the Spanish and actions taken by Venezuela in the field of language policy as well.

Ключевые слова: языковая норма, единство языка, испанский язык, национальный вариант, Венесуэла.

Keywords: language standard, integrity of language, the Spanish language, nationwide dialect, Venezuela.

Венесуэльский национальный вариант испанского языка характеризуется специфическими языковыми особенностями, обусловленными своеобразием истории, культуры и общественного строя этой страны. Тем не менее, существуют аспекты, общие для нескольких испаноговорящих стран, описание которых может помочь нарисовать общую лингвистическую панораму.

Следует напомнить, что, когда речь идет об использовании языка, выделяют две нормы: разговорную и академическую. Разговорная норма реализуется бессознательно определенной группой людей. Академическая норма, напротив, навязывается (в эксплицитной или имплицитной формах) некими авторитетами – властями и учреждениями, ответственными сохранять единство языка (создание грамматик, различных словарей и учебников).

В Венесуэле, как и в любой другой испаноговорящей стране, существует разговорная норма, которая варьируется внутри каждой диалектной зоны. В таком случае речь идет о региональной норме, которая, по большей части, является результатом экономической, общественной и культурной истории региона. Так, например, явление *voseo*, характерное для района Сулии, венесуэльский лингвист Паес Урданета объясняет двумя причинами: во-первых, изоляцией данного района в течение всего периода испанской колонизации, а во-вторых, происхождением колонизаторов – выходцев не из самой Испании, а из венесуэльских районов, где *voseo* являлось нормой [1]. В свою очередь, отсутствие *voseo* в прибрежной зоне страны также имеет свое историческое объяснение: во время колониального периода частые портовые контакты Венесуэлы со столицей привели к тому, что венесуэльцы прибрежной зоны, подражая господствующей модели языка столицы XVII–XVIII вв., заменяли использование местоимения *vos* на *tú*.

Внутри диалектной нормы особенно заметен так называемый акцент, который своей специфичной мелодией отображает региональное своеобразие (прежде всего, в простонародной и деревенской речи).

Помимо регионального и диалектного варьирования языка, существует социокультурное. Каждая социокультурная группа следует своей лингвистической норме, которую она считает привычной и правильной. Эти нормы обеспечивают и облегчают коммуникацию и в то же время демонстрируют принадлежность индивида к той или иной группе. Языковое варьирование очень четко отражается на социокультурном уровне. Так, в Венесуэле представитель низкого социального слоя говорит *haiga, me di de cuenta* или *estábanos*, в то время как говорящий высокого социального слоя скажет *haya, me di cuenta* и *estábamos* [2, с. 71–72]. Лингвистические отличия между социокультурными группами одного сообщества иногда могут быть больше тех, которые встречаются между людьми разных стран.

Диалектные и социокультурные нормы во многом зависят от коммуникативной ситуации и от используемого в ней регистра. Принято считать, что изменения регистра от одной коммуникативной ситуации к другой не являются радикальными. Лопес Моралес говорит по этому поводу, что «диафазные изменения – это непрерывный процесс, идущий от просторечия до крайней формальности» [3, с. 46]. Любой говорящий обладает довольно обширным перечнем регистров, используя их в зависимости от коммуникативной ситуации, в которой он находится. Так,

например, образованный венесуэлец в разговорном регистре может использовать выражения типа *vengo llegando, mi hijo llegó fue de madrugada* и *en esa fiesta había un poco de niños*, но в формальном диалоге эти фразы будут заменены на *estoy llegando, mi hijo no llegó sino en la madrugada* и *en esa fiesta había muchos niños*, соответственно [2, с. 73]. Говоря о стилистическом варьировании, Г. де Штерк отмечает, что «различия между регистрами более значительны, чем те, что существуют между континентами или другими географическими зонами»¹ [4, с. 301].

Помимо упомянутых типов варьирования, существуют те, которые связаны с письменной и устной формами языка. Хотя между этими формами существует скорее континуум, чем радикальное противопоставление, нет сомнений в том, что в ситуации «письменный формальный язык / устный разговорный язык» заметны существенные различия. К. Сильва-Корвалан отмечает следующее: «Письменный язык представляет меньшее разнообразие, чем устный язык» [5, с. 11]. Де Штерк, исходя из собственного эмпирического анализа, говорит, что «письменный язык демонстрирует, в основном, большее единство, чем устный» [4, с. 301].

На протяжении XX в. несколько венесуэльских авторов предлагали свои способы разделения национальной территории на диалектные зоны, число которых колеблется от пяти до семи. Довольно простым, но эмпирически удачным является способ П. Энрикеса Уренья, который разграничивает испанский язык гор (*tierras altas*) и равнины (*tierras bajas*) [6]. А. Розенблат шутливо разделяет территорию Венесуэлы следующим образом: «для горной местности характерно съедание гласных, а для равнинной – съедание согласных» [7, с. 39]. Лопес Моралес также разделяет эту точку зрения: «В речи равнин почти систематически встречается согласное ослабление (придыхание и потеря конечного /s/, нейтрализация /l/ и /r/, придыхание /j/, веляризация /n/), в то время как для гор характерен сильный и ярко выраженный конечный консонантизм» [3, с. 146–147].

Е. Обедьенте вслед за А. Розенблатом выделяет в Венесуэле горную и равнинную зоны, отделяя при этом район Анд от остальной части страны. Согласно Обедьенте, для венесуэльских Анд характерны «отсутствие веляризации /n/ и нейтрализации /l/ и /r/ и наличие (хотя и не для всего района) апикального и палатального [s]» [8, с. 17]. Автор утверждает, что в андийском районе Венесуэлы происходит процесс палатализации и элизии [s] – явление, встречающееся как в крупных городах, так и в небольших деревнях. Он добавляет: «Если мы допускаем, что несколько столетий назад в Андах все произносили по-разному конечный [s], как утверждает большинство работ и статей, написанных на эту тему, то следует признать, что мы присутствуем при стремительном лингвистическом изменении» [8, с. 17].

Другое лингвистическое изменение, которое начинает встречаться в районе Анд, связано с произношением имплозивной /n/, велярной в речи равнин и альвеолярной в речи гор. По этому поводу Е. Обедьенте отмечает: «В Андах [...] доминирует ассимиляция: конечный носовой велярный звук перед паузой или перед гласной все чаще заменяется говорящими этого района на альвеолярный» [8, с. 17].

Эти изменения, на каком бы этапе они не находились, – явный признак того, что в Венесуэле испанский язык гор постепенно уподобляется испанскому языку равнин. И хотя некоторые внутренние факторы способствуют этим изменениям, без сомнений существует могущественный внешний фактор – влияние городов равнин и прежде всего столицы Каракас.

Города на сегодняшний день являются административными, политическими, торговыми, культурными и даже санитарными центрами. Эти характеристики дают городам право диктовать языковую норму, превращая их в большие центры распространения языка. И если так дело обстоит в любом провинциальном городе, то, что говорить о столице – политическом и экономическом ядре власти? В столице расположены главные каналы теле- и радиовещания, национальные издательства и наиболее признанные университеты. Все это способствует тому, что испанский язык столицы ценится жителями провинции.

Важность речи городов в общем и столицы в частности была признана экспертами по данной теме. Лопе Бланч говорит, например: «Городские языковые нормы обладают большой силой» [9, с. 84]. Д. Липски добавляет: «Стандартный язык страны обычно базируется на речи ее столицы» [10, с. 155]. Говоря о влиянии речи городов на деревенское население, Морено Фернандес указывает на то, что «городской пролетариат доминирует над крестьянством» [11, с. 62]. Монтес Хиральдо, в свою очередь, отмечает, что лингвистические единицы деревенского пласта исчезают под влиянием «более унифицированных» городов [12, с. 139].

¹ Здесь и далее перевод – А. Носкова

В Венесуэле Паес Урданета отмечает большую власть испанского языка городов, особенно испанского языка Каракаса, что приводит к тому, что некоторые явления, характерные для андийской речи, заменяются на собственно столичные. Тенденцию подражать столичной модели сам Паес Урданета демонстрирует, говоря об отрицательном отношении в венесуэльских Андах к традиционному *voseo* – в разговоре с друзьями и подчиненными – и его постепенной замене на местоимение *tú*, использующееся в Каракасе. Упомянутый автор также отмечает постепенную замену *voseo* в районе Сулии на каракасское *tú*: «В Маракайбо в последнее время местоимение *tú* используется людьми высоких социальных слоев (напомним, что обращение на *tú* является нормой столицы Каракас), однако постепенно *tú* входит в речь людей других социально-экономических классов» [13, с. 91].

Все вышеизложенное указывает на то, что венесуэльский вариант испанского языка, хотя и представляет вариативность в различных диалектных зонах страны, за фундаментальную модель берет речь Каракаса. Данный аспект объясняет, почему говорящие венесуэльских Анд, по объективным и историческим причинам уподобляющиеся манере речи колумбийцев плоскогорья, имитируют модель речи Каракаса, а не Боготы. Поэтому поводу Д. Липски указывает: «Престиж речи Каракаса, в которой обычно ослабевает /s/, стал чувствоваться и в андийской Венесуэле. Это один из немногих случаев в Латинской Америке, когда диалект с ослабленной фонемой /s/ устанавливает речевую норму» [10, с. 383].

Но какая модель речи главенствует в самом Каракасе? Например, для многочисленных эмигрантов из Колумбии или Эквадора, которые приезжают в венесуэльскую столицу, моделью будет выступать вся та речь, что они слышат вокруг, при этом им не важны ни образование, ни социальный статус говорящего. Для культурных и образованных венесуэльцев, напротив, модель речи – наднациональный испанский, язык самых признанных писателей Венесуэлы.

На сегодняшний день в каждой испаноговорящей стране существует свой вариант испанского, который служит моделью, идеалом языка и является «исторически наиболее представленным языком» [14, с. 34–35]. Этот вариант языка, так называемый стандарт, вводится культурными людьми в формальных ситуациях. Стандартный язык страны, частично отличающийся от других стран, обладает той же ценностью, что и стандартный язык любой другой страны. Так, Розенблат указывает: «Нет иного выхода, как признать, что культурная речь Боготы, Лимы, Буэнос-Айреса или Мексики также приемлема, как речь Мадрида. Лингвистическая реальность обуславливает для разговорного культурного языка множество норм» [15, с.24].

За ценность каждой стандартной национальной нормы высказывается также Лопе Бланч: «Испаноамериканские говорящие думают, что их собственная речевая норма, которой они придерживаются или которую практикуют, такая же легитимная и «правильная», как и любая другая» [9, с. 95].

Большинство лингвистов сходятся во мнении, что стандартный венесуэльский испанский находит свое отражение в сочинениях, в телевизионных и радиовыступлениях известного венесуэльца Артуро Услар Пьетри, внесшего большой вклад в улучшение культуры и образования в стране [16]. И сегодня стандартный язык Венесуэлы продолжает формироваться на базе формального испанского языка культурных людей.

Вопреки утверждениям таких авторов, как Л.Ф. Лара или Б. Гарса Куадрон [17; 18], касаемо Мексики, где пиренейский испанский является моделью для подражания, в Венесуэле, как и в других странах Латинской Америки, «не предпринимается никаких усилий, чтобы имитировать испанский язык полуострова» [10, с. 168].

В подтверждение утверждения Д. Липски приведем лингвистический эксперимент, проведенный в Каракасе и Мадриде Бентиволио и Седано, в котором жителям Каракаса и Мадрида среднего и высокого социального статуса предлагалось прослушать запись с речью семи испаноговорящих городов [19]. 85% жителей Каракаса смогли идентифицировать речь мадридцев, при этом отметив «сухой» акцент Мадрида, но позитивно оценив свою собственную речь, а также речь Боготы. Исследование также показало, что каракасцы намного чаще, чем мадридцы, идентифицируют диалекты испаноамериканских городов, представленные в записи.

Результаты этого исследования позволяют предположить, что венесуэльский идеал языка – паниспанский или даже паниспаноамериканский, но далеко не испанский язык полуострова. Исходя из этого, венесуэлец может использовать в формальной и письменной речи испаноамериканские нейтральные формы – продукт слияния нескольких испаноамериканских диалектов, но не формы полуострова, как, например, прошедшее время *pretérito compuesto* для обозначения законченного действия (*ya he desayunado*), *léismo* (*ayer le vi, a Juan*) или слова *coche, ordenador, grifo* [2, с. 68, 72].

В докладе Fundesco (Fundación para el desarrollo de las Comunicaciones) утверждается следующее: «Происходит осознание испанского языка Америки, медленное расхождение которого с полуостровным кастильским бесспорно» [20, с. 184].

Парадоксальным является тот факт, что в Венесуэле, несмотря на то, что находят венесуэльский вариант отличительным от основного испанского, используют при обучении в школах академические нормы и стандарты испанского языка полуострова. К. Вагнер, обеспокоенный данной ситуацией, характерной для большинства латиноамериканских стран, задается вопросом: «Почему в большинстве стран Латинской Америки обучение родному языку сводится к изучению грамматических правил? Почему в школах детей обучают разговорному испанскому языку Испании, а не их родной страны?» [21, с. 44].

Несоответствие стандартного венесуэльского варианта и того, чему обучают в школах, отчасти объясняет незаинтересованность и безразличие учащихся к предмету «Испанский язык».

Далее остановимся на описании социокультурных норм и регистров, существующих в венесуэльском национальном варианте.

В формальных письменных текстах (эссе, научные статьи, доклады и т.п.) наблюдается схожесть между венесуэльским вариантом и другими национальными дифференциациями испанского языка. Отметим, что при написании текста венесуэлец располагает двумя возможностями: придерживаться нормам стандартного венесуэльского варианта или применить нормы паниспанского, реже – паниспаноамериканского ареалов. Выбор последних обусловит использование слова *automóvil* вместо *carro*, *anteayer* вместо *antier*, *ninguna otra persona* вместо *más nadie* или *hacía tiempo que lo estaba solicitando* вместо *tenía tiempo solicitándolo*; также возможны изменения порядка слов с наречием *ya*, например *yo ya lo intuía* вместо *ya yo lo intuía* [2, с. 72–74]. Использование венесуэльских норм зачастую объясняется желанием самих венесуэльцев доказать, что венесуэльский стандартный вариант ничуть не уступает любому другому национальному варианту испанского языка. Иногда нормы паниспанского ареала кажутся им несколько искусственными, и в таких случаях предпочтение отдается венесуэльским стандартам, например: *llegarán en la mañana* вместо *llegarán por la mañana, por eso es que la situación ha empeorado* вместо *por eso es por lo que la situación ha empeorado, lo mandaron a pedir ayuda* вместо *le mandaron pedir ayuda* или *me informaron que cortarían el suministro de agua* вместо *me informaron de que cortarían el suministro de agua* [2, с. 74].

С формальной письменной речью тесно связана формальная устная речь, которая используется (и должна использоваться) в средствах массовой информации, образовании и ситуациях, требующих максимального уважения и следования академическим нормам. Устная формальная речь, несмотря на свою схожесть во всех национальных вариантах испанского языка, демонстрирует дифференциальные особенности, обусловленные частными факторами. Так, например, образованный житель Каракаса в своей речи, какой бы формальной она ни была, проглотит звук [s] в импловзивной позиции, согласно существующим нормам страны; в противном случае его речь будет звучать искусственно. Также не стоит забывать о доли спонтанности, присущей устной речи; именно этим объясняются некоторые особенности формальной устной речи венесуэльского варианта, например: использование косвенного местоимения *le* вместо *les* в предложениях типа *le di un regalo a mis hijos*, или *se los* вместо *se lo*, например, *selosdije* или постановка подлежащего или личного местоимения перед инфинитивом, например *par nosotros mejorar* вместо *para mejorar nosotros* [2, с. 75–76].

Национальные особенности разговорного венесуэльского варианта испанского языка проявляются на всех языковых уровнях. На фонетическом уровне наблюдается ослабление некоторых согласных в постударной позиции. На морфологическом уровне можно выделить суффиксы, характерные только для венесуэльского национального варианта, например суффикс-*mentazón* (*a las dos de la mañana hubo una tiramentazón terrible* – в два часа утра было сильнейшее землетрясение) или общеиспанские суффиксы с отличным значением, например: *lloradera* – плач, *barrial* – куча грязи или *mujerero* – большое скопление женщин [2, с. 53]. Для синтаксического уровня типичны плюрализация форм глагола *haber* (*habían, hayan*), использование форм субхунтива на *-ra* в сослагательных предложениях (*yo me comprara esa casa si tuviera dinero* – я бы купил этот дом, если бы у меня были деньги), использование фразы сфокусированного характера (*te llamé fue para pedirte un favor* – я позвонил тебе, чтобы попросить об одолжении), использование выражения *un poco de* в значении «много» (*había un poco de niños* – было много детей) или адъективация наречия *medio* (*media cansada* – подуставшая, *media enferma* – полубольная) [2, с. 76–77]. На лексическом уровне заметно увеличение использования типично разговорных венесуэлизмов, например: *chévere* – классно,

круто, coroto – мужские/женские половые органы, encaletarse – идти домой, gafo – тупица, удиоти т.п. [2, с. 87–88].

Подобное языковое национальное своеобразие или, по выражению Морено Фернандес, «символ идентичности» [11, с. 30] представляет довольно серьезную угрозу как для стандартного, так и для разговорного венесуэльского варианта. Все чаще в разговорной речи венесуэльцев звучат грамматически неверные слова и формы (например, глагольная форма *habemos* или выражение *a la final*). Функционирующие пока еще на разговорном уровне подобные языковые элементы могут перейти на формальный уровень языка, что отодвинет еще дальше венесуэльский национальный вариант от норм единого испанского языка.

Вообще изучение испанского языка паиспанского ареала – одно из наиболее активно развивающихся направлений в современной иберо-американской испанистике.

Нами уже неоднократно упоминались различные региональные, социальные и стилистические вариации венесуэльского национального варианта испанского языка. Если принять во внимание подобные языковые вариации, существующие во всех двадцати странах, в которых испанский язык является официальным, то станет ясно, насколько трудно сохранить единство испанского языка. Однако желание и стремление к языковому единству существует, и обусловлено оно историческими, культурными и социальными причинами. Как отмечает М. Альвар: «Мы те, кто мы есть – не по генам, которые нас формируют, а по общему взгляду на этот мир. И видение этого мира нам дает язык» [22, с. 149].

Стремление к сохранению языкового единства объясняется не только историческими и культурными причинами, но также практическими и экономическими. Практические в основном заключаются в том, что благодаря испанскому языку (в его разговорном и письменном вариантах) осуществляется процесс коммуникации огромного числа людей, говорящих на нем. Экономические причины, в свою очередь, обусловлены издательской промышленностью, сферой обучения испанскому языку как иностранному и информационным сектором.

Поиск языкового единства, при наличии естественного языкового варьирования, должен осуществляться через грамотную и продуманную языковую политику, как на международном, так и на национальном уровнях.

На международном уровне сохранение единства испанского языка входит в задачи Института Сервантеса и Ассоциации академий испанского языка. Так, последняя организация изучения языка и рекомендации по его использованию проводит на базе не только письменных текстов испанских писателей прошлых лет, но и на материале текстов различных национальных вариантов, как исторического (например, Диахронический корпус испанского языка (*Corpus diacrónico del español*)), так и современного характера (например, Корпус современного испанского языка (*Corpus de referencia del español actual*)). Помимо указанных направлений, проводится немало лингвистических работ по дополнению корпуса испанского языка, в котором, по словам Г. Рохо, должны быть приведены «результаты синтаксического, семантического и прагматического анализов» [23, с. 256].

Многие работы посвящены изучению общих черт испанского языка на его национальных уровнях. Лопе Бланч, например, отмечает, что «структура культурной речи Мадрида практически идентична структурам других испаноамериканских городов» [9, с. 27]. Лопес Моралес путем эмпирических исследований приходит к выводу, что «большая часть лексики, используемой испаноговорящими, одинакова для всего испаноязычного мира» [24, с. 528]. Сравнительные исследования формальной речи различных испаноговорящих городов показывают, что радикальных расхождений между испанским языком Испании и Америки не наблюдается, и скорее всего необходимо говорить о количественном типе варьирования языка, нежели о качественном [4; 19; 25; 26; 27]. Так, национальное несовпадение с академическими нормами на синтаксическом уровне – например явление *queísmo* (*me enteré que estuvieron en aquella fiesta – я понял, что они были на том празднике*), явление *dequeísmo* (*creo de que la situación mejorará – думаю, что ситуация улучшится*), феномен «*que galicado*» и постановка двойного прямого объекта (*una libertad que nadie ni nada puede arrebatársela – свобода, которую никто и ничто не сможет забрать*) – в разной степени выражено в различных городах Венесуэлы [2, с. 67–68].

Следует признать факт существования различий стандартного испанского языка между его национальными вариантами. Для наиболее полного их изучения необходимо рассматривать каждый языковой феномен с различных перспектив: диалектные зоны, где реализуется этот феномен; степень его выраженности; регистр, в котором он используется; социокультурный уровень говорящих и т.д.

Лопе Бланч настаивает на необходимости «исправлять аномальные явления испанского языка» [9, с. 43]. Согласно лингвисту, самый гармоничный способ сохранения единства испанского языка – это жертва каким-либо языковым явлением на национальном уровне. Так, например, под пристальное внимание языковой политики должны попасть мексиканское *hasta*, полуостровное использование *cansao* и *contrario*, а также аргентинское оглушение *ll* и *y*, что зачастую влияет на процесс восприятия информационного послания, когда слово *mau* по произношению приближается к *macho*, а *ella* – к *hecha* [9, с. 43–44].

Важной задачей языковой политики также является наведение порядка в терминологии, касающейся новых технологий, с целью избежать наличия двух или трех терминов для обозначения одного слова, как, например, со словом «компьютер» и его испанскими вариантами *ordenador*, *computador* и *computadora*; или для заимствованного из английского языка слова *e-mail* с его испанской версией *imeil* и шутливым вариантом *emilio*.

Опасения А. Бельо и Х.Р. Куэрво по поводу того, что испанский язык, подобно латинскому, может распасться, не лишены основания. Следует признать, что на сегодняшний день общение между различными испаноговорящими странами довольно зыбкое. Также не стоит забывать, что испанский язык – один из наиболее распространенных в мире и официальный в двадцати странах, и поэтому если уже сегодня не будет достигнуто единодушие в процессе сохранения его языкового единства, то испанский язык каждой испаноговорящей страны пойдет по собственному пути.

Говоря о национальной языковой политике Венесуэлы, следует отметить наиболее приоритетные направления ее деятельности, среди которых:

1. Выявление характеристик стандартного языка страны, как письменной, так и устной его форм;
2. Установление схожих и различных черт между стандартным венесуэльским вариантом и его разновидностями (региональные, социокультурные и стилистические);
3. Установление схожих и различных черт между стандартным венесуэльским вариантом и академическими нормами единого испанского языка.

Для достижения этих целей уже ведется активная работа. Так, насчитывается несколько корпусов венесуэльской речи, созданы словари венесуэлизмов и Лингвистический атлас Венесуэлы [28]. При этом для национальной языковой политики Венесуэлы представляет интерес не только стандартный венесуэльский вариант, но и его региональные и социокультурные разновидности, имеющие свою лингвистическую ценность и значимость.

REFERENCES

1. *PáezUrdaneta I.* Historia y geografía hispanoamericana del voseo. *Caracas: La Casa de Bello*, 1981. 169 p.
2. *Español actual*. №69. *Madrid: Arco.Libros, S.L.*, 1989. 128 p.
3. *López Morales H.* Sociolingüística. *Madrid: Gredos*, 1993. 310 p.
4. *De Sterck G.* Gramática española. Enseñanza e investigación. II Gramática. 7. Registros y áreas geográficas en lingüística. Valores y usos de las formas verbales en -RA, -SE, -RÍA Y -RE. *Salamanca: Universidad de Salamanca*, 2000. 208 p.
5. *Silva-Corvalán C.* Sociolingüística: teoría y análisis. *Madrid: Alhambra*, 1989.– 137 p.
6. *HenríquezUreña P.* Observaciones sobre el español de América. *Revista de Filología Española*, 8. *Madrid: Cátedra*, 1921. PP. 357–390.
7. *Rosenblat Á.* El castellano de España y el castellano de América. *Madrid: Taurus*, 1970. PP. 213–237.
8. *Obediente Sosa E.* Fonetismo segmental. *Español Actual*, 69 (volumen dedicado al español de Venezuela). *Madrid: Arco/ Libros, S.L.*, 1998. PP. 11–18.
9. *Lope Blanch J.M.* La lengua española y sus problemas.–México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1997.– 218 p.
10. *Lipski J.M.* El español de América. *Madrid: Cátedra*, 1996.– 349 p.
11. *Moreno Fernández F.* Principios de sociolingüística y sociología del lenguaje. *Barcelona: Ariel*, 1998. 406 p.
12. *Montes Giraldo J.J.* El español de América en el siglo XXI. El español de América hacia el siglo XXI, tomo I. *Bogotá: Instituto Caro y Cuervo*, 1991. PP. 129–143.
13. *PáezUrdaneta I.* 1989. El habla regional zuliana en el contexto actual del espacio dialectal venezolano y de la investigación dialectológica. *Estudios lingüísticos y filológicos en homenaje a María Teresa Rojas. Caracas: Universidad Simón Bolívar*, 1989. PP. 141–159.
14. *Rojo G.* El lenguaje, las lenguas y la lingüística. *Santiago de Compostela: Universidad de Santiago de Compostela*, 1986. 63 p.
15. *Rosenblat Á.* El criterio de corrección lingüística. Unidad o pluralidad de normas en el español de América y España. *Bogotá: Instituto Caro y Cuervo*, 1967. 34 p.
16. *UslarPietri A.* Educar para Venezuela. *Madrid-Caracas: Lisbona*, 1981. 116 p.

17. Lara L.F. Identidad de usos entre España y América. El español de América hacia el siglo XXI, tomo I. Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1991. PP. 79–94.
18. Garza Cuadrón B. Sobre el sentir del español americano. II Encuentro de lingüistas y filólogos de España y de México. Salamanca: Junta de Castilla y León, 1994. 78 p.
19. Bentivoglio P., Sedano M. Actitudes lingüísticas hacia distintas variedades del español latinoamericano y peninsular. Actas del Segundo Congreso Internacional del Centro de Estudios Latinoamericanos (CELA). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999. PP. 135–159.
20. Informe Fundesco. Madrid: Fundación para el desarrollo de la función social de las comunicaciones, 1996. 549 p.
21. Wagner C. La lengua de la enseñanza. Topoi, 2. Santiago: Revista de Educación, 1997. PP. 43–57.
22. Alvar M. Español de dos mundos. Actas del III Congreso Internacional de El español de América. Valladolid: Junta de Castilla y León, 1991. PP. 141–157.
23. Rojo G. La explotación de la Base de datos sintácticos del español actual (BDS). Madrid: Ariel, 2001. PP. 255–286.
24. López Morales H. Vitalidad del léxico. Madrid: Cátedra, 2000. PP. 523–545.
25. De Mello G. Pluralización del verbo haber impersonal en el español hablado culto de once ciudades. Thesaurus, XLVI 3. Madrid: Instituto Cervantes, 1991. PP. 445–471.
26. De Mello G. El dequismo en el español hablado contemporáneo: ¿un caso de independencia semántica? Hispanic Linguistics, 6/7. Madrid: Ariel, 1995. PP. 119–152.
27. De Koch J., De Mello G. Gramática española. Enseñanza e investigación. I. Apuntes metodológicos. 5. Lengua escrita y habla culta de América y España. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1997.
28. Alvar M. Atlas lingüístico del español de Venezuela. Madrid: Universidad de Alcalá de Henares, 2001. 254 p.

Информация об авторе

Носкова Анна Ильинична, аспирант кафедры романской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета.
420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18
Казань, Россия
Получена: 15.06.2014.

Information about the author

Anna Ilinichna Noskova, Graduate Student at the Chair of Romance Philology/ Letters, Kazan (Volga Region) Federal University.
420008, Russia, Kazan', ul. Kremlevskaja, 18
Kazan' city, Russia
Received: 15.06.2014